

Любомира Вильшинска (Братислава)

МОНАШЕСКАЯ ЖИЗНЬ
НА РУБЕЖЕ ЛАТИНСКОГО И ВИЗАНТИЙСКОГО СЛАВЯНСТВА
В ПЕРСПЕКТИВЕ ЕГО ТРАДИЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ
НА ПРИМЕРЕ ЛИТЕРАТУРНОГО ТВОРЧЕСТВА
ЮРАЯ ИОАННИКИЯ БАЗИЛОВИЧА
(ОРДЕН СВЯТОГО ВАСИЛИЯ ВЕЛИКОГО) (1742–1821)¹

В истории церкви монашество стало средоточием духовной жизни и оказало существенное влияние на литургию, теологию, а также на повседневную духовную жизнь человека. В среде грекокатоликов чрезвычайно большим влиянием пользовались монахи-базилиане. Именно они сыграли основополагающую роль в том числе как авторы выдающихся произведений духовной литературы.

Одним из таких базилианских монахов был протоигумен Иоанникий Юрай Базилевич OSBM (Орден Святого Василия Великого) (1742–1821), годы его деятельности в Мукачевской епархии были ознаменованы духовным расцветом в среде базилианского монашеского сообщества. Базилевич был выдающимся деятелем и автором литературных произведений византийско-славянской традиции, широкий кругозор позволял ему осуществлять множество научных исследований. В области исследования монашеской традиции византийского обряда малоизученным остается круг соответствующих латинских памятников. Речь идет об очень важной части письменных культурных источников, где взаимное переплетение двух культурных сфер проявляет себя в том числе в употреблении латинского и церковнославянского языков. К памятникам письменности византийско-славянской традиции Подкарпатья относятся в

¹ В статье представлены результаты исследования в рамках работы над проектом „Linguistic and Ethnocultural Dynamics of Traditional and Non-traditional Values in the Slavic World“ / «Лингвистическая и этнокультурная динамика традиционных и нетрадиционных ценностей в славянском мире», LED-SW; ERA.NET RUS Plus; RUS_ST2017-472.

первую очередь рукописные кириллические и латинские тексты, а также памятники письменности на народном койне. Свидетельством континуального развития и формирования византийской культуры и традиции в Словакии являются кириллические письменные источники².

Базилевич проявил себя как литературный деятель во многих областях, но в первую очередь он создавал произведения, посвященные аскетической жизни монашества. Его тексты, где он занимается данной проблематикой, написаны на церковнославянском и латинском языках. Он провел значительные изыскания по истории формирования монашеского сообщества. Несмотря на то, что данная область его творчества представляет большую ценность, до сих пор она остается крайне малоисследованной и многие выдающиеся сочинения автора остаются лишь в архивных рукописях. В первую очередь Базилевича интересовала духовная жизнь монахов, которую он стремился сделать более возвышенной. При этом он не был в данном отношении сугубо теоретиком, но также проявил себя как реформатор монашеского устава³. В указанной связи мы рассматриваем два ключевых сочинения автора. Первым является написанное по-латински⁴ произведение *Imago vitae monasticae* (Картина монашеской жизни), которое мы считаем наиболее выдающимся систематическим трудом в области монашеской аскетики⁵. Оно было издано в Кошице в 1802 г.⁶ и осталось единственной книжной публикацией Базилевича. Содержание труда и конкретные темы в зна-

² Žeňuch, Peter: K dejinám cyrilskej písomnej kultúry na Slovensku. Nitra: Univerzita Konštantína Filozofa, 2015, 176 s.

³ В качестве протоигумена Базилевич в то время курировал в Мукачевской епархии семь монастырей: в Мукачево, в Великой Березном и в Имстичово на украинском Закарпатье, в Красном Броде и Буковой Горке в восточной Словакии, в Мариапоче в Венгрии и в Бихаде в Румынии.

⁴ Таким образом автор, по всей вероятности, хотел выступить в защиту восточного монашества и познакомить с ним как можно более широкий круг людей, не только из среды духовенства, что было возможно и наиболее естественно осуществить на латинском языке. Тем самым сочинения на латинском языке стали органичной частью творчества Базилевича, что должно было способствовать большей доступности данных текстов широкой общественности.

⁵ Об этом см. *Wilšinská, Lubomira*: La testimonianza della tradizione bizantino-slava in Slovacchia tratta dall'opera ascetica *Imago Vitae Monasticae* (Cassoviae, 1802) di Juraj Joannikij Bazilovič OSBM. In *Slovak Studies. Rivista dell'Istituto Storico Slovacco di Roma*, 2016, roč. 2, č. 1–2, s. 39–47.

⁶ О значении „Картины монашеской жизни“ говорит не только тот факт, что только это произведение увидело свет в качестве печатного издания; это подтверждают сама его композиция, обсуждаемые темы, общее содержание.

чительной степени согласуются с тематикой монашеского устава Базилевича, написанного им в 1797 г.⁷, *Правила и оустановленїа монашескаа* (далее — *Правила*) были созданы Базилевичем для монахов за пять лет до появления книги, они были написаны на церковнославянском языке и предназначались для применения в условиях повседневной жизни в монастырях⁸. Правила остались в рукописной форме, в 2010 г. Милан Лах опубликовал значительную часть прежде малоизвестных рукописных Правил Базилевича в рамках своей диссертационной работы⁹.

В нашей работе на материале сочинений Базилевича в области аскезы мы постараемся рассмотреть отдельные аспекты идеальной монашеской жизни в проекции ее традиционных ценностей. Мы остановимся на таких ценностях в контексте монашеской жизни, как община, призвание, верность, а также немаловажных аксиологических аспектах жизни в монашеской среде, каковыми во времена Базилевича являлись монашеское послушание и чистота. Кроме того, неотъемлемой частью жизни была также молитва в соединении с постоянным постом и трудом.

ОБЩИНА

Община для монаха предоставляет прибежище в любви и спокойствии. В своих монашеских *Правилах* Базилевич подчеркивает, что преимуществом монашеской жизни в мужском сообществе является взаим-

⁷ Одним из многочисленных интересных аспектов труда *Imago vitae monasticae* является переплетение восточной и западной теологии. Сочинение по аскетике является свидетельством грекославянской монашеской духовной и книжной традиции на территории, где доминировали латинская традиция и книжность. Именно это, наряду с исторической и лингвистической значимостью произведения, открывает дальнейшие перспективы исследования труда именно в области терминологии. Взаимоотношения двух культурных сфер, Востока и Запада, можно наблюдать в произведении на многочисленных теологических и языковых примерах, посредством которых Базилевич сравнивает обе эти традиции. При интерпретации культурных особенностей, а также конкретных примеров и понятий автор пользуется западной теологической терминологией. В то же время иногда он параллельно приводит также термины восточной церкви. Кроме того, автор труда постоянно апеллирует к письменным памятникам, ссылаясь на латинских и греческих Отцов Церкви, которые в своих произведениях занимались именно аскетической тематикой.

⁸ Стоит также упомянуть, пусть даже напрямую с монашеской жизнью не связанное, сочинение *Specimen recti cursus theologici Ruthenici*, которое включает в себе основы курса теологии для семинаристов путем постановки вопросов.

⁹ Об этом см. Milan Lach: *Il contributo di Giorgio Giovanniccio Bazilovič OSBM alla formazione monastica dei Basiliani dell'eparchia di Mukačevo (1789–1821)*. Košice: Dobrá kniha, 2010, 269 s.

ная поддержка в любви и доброте, которую монах непрестанно находит в мужской общине¹⁰. Монах в духовной жизни никогда не надеется исключительно на самого себя. Так он не собьется с верного пути, не потеряется, поскольку его ведет более опытный духовный наставник, причем Базилевич акцентирует, что жизнь в сообществе является своего рода формой смирения и покаяния.

Во введении к труду *Imago vitae monasticae* (далее — *Imago*) Базилевич объясняет этимологию слова *монах*, отсылая к св. Касьяну, который говорит, что монахи получили самоназвание по образу простой жизни в одиночестве. Как следует из дальнейшего изложения, Базилевич считает приоритетной ценность киновитской жизни, то есть жизни в общине, и констатирует, что хотя святые Отцы восхваляют значимость анахоретской жизни для приближения к совершенству, но все же, на его взгляд, для монаха гораздо лучше жить вместе с братьями в святой общине¹¹. Далее он ссылается на Священное писание и напоминает, Бог-творец установил, что мы нуждаемся в помощи друг друга, и там же написано, что мы должны быть товарищами друг другу¹². Базилевич цитирует св. Иоанна Златоуста, который говорит, что зачинателем монашеской жизни был Иоанн Креститель. Его последователем был св. Антон, который посвятил себя добродетели и вел на земле небесную жизнь. Эти первые представители аскетического образа жизни явили миру собственный пример послушания, бедности, умеренности в еде и облачении, а также строгости в физической работе. Также Базилевич цитирует св. Августина, который пишет: «Как хорошо и мило, когда братья живут вместе»¹³. Данное одобрительное утверждение привело к возникновению монастырей. Именно к этому стремились братья, желавшие жить в

¹⁰ Монахъ ѡбщавый Бг҃у Нищетѣ, к томѹ, акѣ мїръ о҃мершїй ничтоже можетъ свое имѣти, но точїю вещей о҃потребаенїе емѹ дан[н]о естѣ, а невладѣнїе, ѣ свойство. Подоваетъ Монахѹ /:рече Васїлїи Ст҃ый:/ ѡ всакагѹ земныхъ вещей, стажанїа чуждѹ бытїа, Крадѣжѹ во естѣ, ѣ аще что свое дерзнетъ имѣти Іудаѣ подовенъ естѣ предавшему О҃чителю. [...] M. Lach, *Il contributo di Giorgio Giovanniccio Bazilovič OSBM alla formazione monastica dei Basiliani dell'eparchia di Mukačevo (1789–1821)*, s. 242.

¹¹ *Laudant quidem sancti Patres vitam Anachoreticam propter altitudinem perfectionis; ast longe melius est homini Religioso in sancta Societate cum Fratribus, quam segregatum cum bestiis vivere. Vae! soli, quia cum ceciderit, non habet sublevantem se, & si quispiam prevaluerit [contra unum duo] resistent ei, funiculus triplex difficile rumpitur.* J. Bazilovič: *Imago vitae monasticae*. Cassoviae: Ex Typographia Ellingiana, 1802, s. 14.

¹² Ср. Sir 13, 20.

¹³ Ž 133, 1.

общине. В своих утверждениях автор вновь апеллирует к Отцам Церкви, на этот раз к *Каноническим правилам* св. Василия Великого¹⁴, согласно которому, жизнь в сообществе многих братьев гораздо полезнее¹⁵. Сочинение Базилевича в первую очередь содержит отсылки к латинским и греческим Отцам, однако чаще других Базилевич ссылается на труды св. Василия и не просто выделяет его личность, но в первую очередь декларирует возвращение к исходной идее киновитского монашества.

Базилевич отстаивает ценность совместной монашеской жизни в противопоставлении к отшельническому образу жизни. Он объясняет, что в монашеской жизни следует различать активную и пассивную форму. О тех, кто в общине под руководством прелата усердно работает над укрощением грехов, над смирением неодолимых страстей, над возвращением добродетелей, говорилось, что они ведут активную жизнь. Те, кто в этом достиг наивысшей ступени совершенства, впоследствии часто покидали монастыри и в одиночестве жили вдали от совместной жизни, чтобы более полно предаваться божественному созерцанию, жили настоящей созерцательной жизнью. Так между монахами возникло разделение, одни стали называться киновиты, согласно их совместной, активной жизни. Другие, предпочитавшие одиночество и уединенную, созерцательную жизнь, получили название анахореты или еремиты. Базилевич, однако, подчеркивает, что созерцательная жизнь необязательно предполагает удаление из монастыря в другое, уединенное место, поскольку в самом монастыре, как правило, есть кельи, где можно созерцать Бога, все зависит от воли конкретного монаха¹⁶. Он пишет, что наивысшего совершенства достигает монах, который во время повседневных дел своими мыслями непрестанно возносится к Богу.

Не меньшее внимание Базилевич уделяет понятию монашеской бедности. Он требовал, чтобы в послушнике, воине Христовом, угасли все мысли о прежнем имуществе. Автор напоминает об обязанности не

¹⁴ Ср. Basilii Magni: *Regulae fusi tractatae*, PG 31:889-1052.

¹⁵ Киновитский способ жизни (от греч. κοινός βίος „совместная жизнь“) есть форма христианского аскетизма, для которой характерна жизнь в общине. Существовала наряду с пустынничеством как формой, ориентированной на самостоятельную жизнь в изоляции.

¹⁶ Ранние авторы (напр., Клемент Александрийский и Ориген) подчеркивали исключительную важность созерцания. Они полагают, что речь здесь идет о полном подчинении аскетической деятельности поиску созерцательности, которая является целью духовной жизни. Несмотря на это, нельзя отрицать, что созерцательная жизнь требует неустанного стремления к освобождению от мирского давления и чуткости к ценностям внутренней жизни.

владеть ничем, что служило бы личному благу монаха. Наоборот, монах должен избавиться от владения земными вещами. У монахов все должно быть совместным. Здесь мы вновь возвращаемся к идее определенного единства. Монах, который обещает Богу быть бедным одним тем, что он умер для мира, не имеет права ничем обладать. Предметы он лишь использует, они не являются его имуществом, он не имеет над ними никакой власти. Даже св. Василий говорит, необходимо, чтобы монах очень осторожно относился к обладанию всем земным, поскольку это равносильно грабежу. Именно поэтому инок не имеет право принимать в дар либо предлагать в дар что бы то ни было. Он даже не должен произносить слова «мое», «твое», «наше», поскольку у всех верующих одно сердце и одна душа. Никто из них не говорит, что нечто из того, чем он располагает, принадлежит лично ему¹⁷. Автор отдельно пишет о грехе собственничества и о т. н. нарушителях бедности.

Далее в *Правилах* Базилевич пишет, что те, кто отправлен собирать милостыню, которую им как людям, посвятившим себя Богу, подают благодетели, обязаны внимательно подсчитывать ее и целиком отдавать настоятелю. Никто ничего не должен присваивать себе, поскольку это есть кощунство и нарушение обета. Когда те, кого отправили просить милостыню, приходят в какое-либо место, сперва они обязаны явиться к местному священнику и могут начать собирать лишь в случае, если этот священник даст на то свое согласие и изволение. Монахи в свою очередь должны послушно исполнять приказ и выказывать священнику свое почтение. Они должны стремиться ни с кем не ссориться, даже минимально вести разговоры, но всеми своими поступками выказывать покорность и уважение. Относительно всего, что монах слышит или видит, пока он собирает милостыню, он должен сохранять молчание, поскольку клевета и наговоры подлежат осуждению. Вместо этого монах должен наполнить свое сердце горячей любовью и жить со всеми в мире.

ПРИЗВАНИЕ И ВЕРНОСТЬ

Призвание и верность монашескому призванию, а также связанная с этим скромность как основа монашеского призвания предполагают отречение ото всех и вся. В труде *Imago* в связи с этим мы можем найти упоминание о монастырях, в которых следует избегать любого украшения и максимально сохранять простоту. Старые монастыри являют

¹⁷ Ср. Sk 4, 32.

свидетельство того, что для наших предков не была чем-то странным простота жилища. Столь же скромно была устроена и маленькая монашеская келья, где стояли лишь постель, стол, стул и светильник¹⁸. При этом многие монахи жили уединенно на скалах и в пещерах и могли запереться от внешнего мира так основательно, что иногда к ним не проникал даже луч солнца.

Монахи в самом деле не зависели от своих жилищ либо от прочих нужных или ненужных вещей, противоречащих монашескому обету¹⁹. Описывая монашеское облачение, Базилович указывает, что необходима не только умеренность в еде, но в самом облачении необходимо придерживаться простоты. Повседневность и скромность монахи должны сохранять и относительно своей обуви. В данной связи Базилович приводит слова св. Августина: «Ваша одежда не должна выделяться, вы не должны горячо стремиться понравиться кому-то одеждой или нравом»²⁰. В монашеском призвании Базилович также подчеркивает мысль, что монахи и их отцы были в церкви всегда в большом почете, а те, кто презирал монахов, ненавидел и преследовал их, всегда воспринимались как люди с дурным прошлым.

Далее автор объясняет, что те, кто хочет отречься от мира и посвятить себя монашеской жизни, должны иметь к такой жизни настоящее призвание, чтобы уже во взрослом возрасте критически и здраво распознали в сознании собственную мотивацию. Кандидаты в монахи должны достичь определенного возраста (в *Правилах* Базилович не называет конкретный возраст), должны быть физически и ментально здоровыми, не состоять в браке, быть хорошего нрава, достаточно образованными, владеть основами ручного труда и освоить какое-нибудь полезное ремесло²¹. Если после всех необходимых испытаний монах придержива-

¹⁸ Ср. 2 Kr 4, 8–10.

¹⁹ *In constructione Monasteriorum vitandus est omnis splendor; & limes paupertatis servandus. Antiqua Monasteria testantur, quam nihil solliciti fuerint, majores nostri desplendore habitationum suarum. Si aëris injuriæ excluderentur, id porro satis erat. Patres nostri studuerunt potius dilatare corda, quam habitacula, memores antiqui testamenti prædecessores suos habitasse in speluncis & cavernis terræ. Hinc multi ex Monachis in solis petris, & cavernis habitaverunt, & tam arcte se incluserunt, ut neque radius solis ad ipsos unquam penetraverit.* J. Bazilovič, *Imago vitae monasticae*, s. 25.

²⁰ J. Bazilovič, *Imago vitae monasticae*, s. 103.

²¹ [...] При возрастѣ доволнымъ долженъ выти во состоѣніи свободномъ, здравій тѣломъ, и разумомъ, Блгій нравомъ, доволное во наоскажѣ уснованіе имѣай, или по нехудожество нѣкое, и ржкоудѣліе поле[з]ное вѣдай. [...] M. Lach, *Il contributo di Giorgio Giovanniccio Bazilovič OSBM alla formazione monastica dei Basiliani dell'eparchia di Mukačevo (1789–1821)*, s. 262.

ется своего призвания, он вступает в ряды послушников и одевает монашескую рясу. Послушников наставляет в духовной аскезе специальный духовный руководитель, в обязанности которого входит досконально изучить монашеский устав св. Василия и объяснить им, что означают такие понятия, как бедность, послушание, чистота, и т.д.²² Он увлеченно учит их предаваться духовным беседам, указывает им верный путь, ведущий к вечной жизни, учит их добродетелям и подвигает их к трудностям и аскезе. Наставник направляет их в чтении, церковном хоре и в молитвах. Он учит их писать и углубленно постигать прочие науки. Он обязан учить их хорошему поведению, порядку за столом, тому, как прислуживать, есть, сидеть, разговаривать, кому и как выказывать почтение и т.д. Наконец, он должен часто повторять им восемь из обширных правил Василия о непрестанном отречении от самого себя.

ПОСЛУШАНИЕ

Основной добродетелью монаха является терпение. Здесь мы должны отметить, что автор отходит от стандартного порядка обетов — бедность, чистота, послушание — и приводит другую их последовательность, начиная именно с послушания, и тем самым отводит ему особую роль. Базилевич говорит о послушании как о первой и вместе с тем наивысшей добродетели. Послушание должно быть постоянным, безотлагательным, незыблемым, стойким, оно не знает послаблений. Автор считает монастыри настоящими школами терпения, рисует монаха как мученика, который терпит любое противодействие со стороны своих собратьев²³. Далее он приводит конкретные примеры подобных унижений,

²² Аскезу мы понимаем широко, как совокупность усилий, при помощи которых люди стремятся достичь развития в моральной и религиозной жизни. В исходном значении, однако, слово обозначало любое упражнение (телесное, умственное или моральное), которое осуществлялось при помощи определенной методики, направленной на развитие. Так солдат упражняется в военном искусстве, а философ — в медитации.

²³ *Monasteria Scholae sunt patientiae, in quibus a mane usque ad vesperam Religiosus nihil expectare debet aliud, quam vexationes, ac molestias: quas bonus Athleta patienter suffert: „Beatus, qui propter Deum quotidie maledictis, & convitiis lacessitus vim sibi fecerit, ait sanctus Climacus, hic enim cum Martyribus tripudiat, & Angelis parem consentiantiam, & gloriam merebitur.“ Beatus Monachus, qui se ipsum omni ignominis, omnique abjectione dignum horis singulis existimat; Beatus, qui voluntatem suam ad finem usque mortificat, Vere enim deletis pristinis peccatis, ac pœnis æque in professione, ac Baptismo in filios Dei adoptamur.* J. Bazilovič, *Imago vitae monasticæ*, s. 118.

которые в определенных моментах поразительны, и читатель не может избежать подробного их описания. Одним из них является пример св. Дорофея, которого день ото дня другой брат многократно оговаривал, унижал и хулил, однако никогда не услышал от него ни слова в ответ. Даже тогда, когда настоятель узнал об этом и решил наказать обидчика, св. Дорофей сам бросился к его ногам, призывая именем Иисуса Христа не делать этого, поскольку то был его грех, а не брата. Никогда никому он не сказал, чтобы они так не делали, и не спросил, отчего они так делают. И сам никогда никому не сказал горького или нелюбезного слова. Базилович повторяет, что в непослушании таится корень многих зол, поскольку противоречить и сопротивляться приказам настоятеля есть показатель слабой веры и надежды, знак гордыни и дурного нрава.

Особое внимание в *Правилах* Базилович уделяет полному послушанию по отношению к настоятелям, поскольку монах своим послушанием выказывает силу своего обета. Перед глазами у него непрерывно должен быть образ Христа, его Учителя. Как он пишет далее, сам Христос подчинялся своим родителям и жил в покорности и послушании им до самой своей смерти. Монах, соблюдающий послушание, более уже не решает сам за себя²⁴. Кроме того, Базилович приводит примеры из Священного Писания, а также цитирует св. Василия. Давая обет послушания, монах посвящает себя Богу и становится драгоценным Божиим сокровищем. Святой Василий говорит, что монах принимает крест и умирает для мира, покидает своих родственников, знакомых, оставляет все свои светские интересы, в т. ч. в этом состоит его крест. Он должен следовать за Христом, который запрещает своим ученикам возвращаться домой, дабы навредить родителям. Монах не должен совершать что бы то ни было без согласия настоятеля. Кто не избавится от всего, чем обладает, и от всех своих желаний, не может быть учеником Христовым. Послушание он должен соблюдать до самой смерти. Так же, как овцы следуют за своим пастухом и идут туда, куда он их ведет, так и монахи должны следовать за своими настоятелями, исполняя все приказы²⁵. Если инок будет перечить своему настоятелю, он будет осужден

²⁴ Совершенно Послушаніе Крѣпостію Свѣта Своегѡ Монахъ показати хотѣи: Свѣразъ Оучителя Своегѡ Хрта, всегда прѣ вчима своимъ имѣти долженъ. Самъ же Хртосъ Родителемъ своимъ повинѣа сѧ вѣ. Смирїи себе, Послушанїемъ вывъ даже до Смертїи. [...] M. Lach, *Il contributo di Giorgio Giovanniccio Basilovic OSBM alla formazione monastica dei Basiliani dell'eparchia di Mukačevo (1789–1821)*, s. 240.

²⁵ [...] Послушаніе даже до Смертїи гранїтїи должѣнъ непрекословнѡ: Повїнѣйте сѧ рече: Наставникѡмъ вашїмъ, ѧ покарїтесѧ, тїи бо вѣдѣтъ ѡ Дшахъ вашїхъ, ѧкъ слово

как бунтовщик и Господь пошлет к нему карающего ангела. Базилович подчеркивает, что бунтовщик сопротивляется не человеку, но самому Господу: «Кто вас слышит, меня слышит, а кто вами пренебрегает, мной пренебрегает»²⁶. В заключение Базилович напоминает, полезно осознать, что необходимо подчиняться даже строгим настоятелям, не только добрым или умеренным.

МОЛИТВА

В третьей части произведения *Imago*, наиболее обширной по сравнению с общим объемом произведения, автор занимается практически всеми вопросами монашеской жизни. Главу по вопросам питания монахов, монашеского облачения и обряда пострижения в монахи он начинает именно с рассмотрения молитвенной жизни, подчеркивая ее исключительную роль. Весь образ жизни монаха Базилович характеризует как время для молитвы. Он апеллирует к сочинениям св. Яна Климака, который говорит, что молиться надо до последнего вздоха, словно пребывающая в непрестанной битве. Молиться надо страстно и воодушевленно. Тот, кто молится без страсти, у того молитва напрасна и бессильна. Далее следуют примеры действенной молитвы.

Интересно в данном контексте повествование о том, как пожилой мужчина навестил другого старца. Когда перед трапезой собравшиеся стали твердить обычные молитвы, они так вознеслись духом, что забыли съесть приготовленные блюда, они страстно пели псалмы и прочитали двух пророков. Тем временем минул не только день, но и ночь. И один мужчина как пришел голодным, так голодным и ушел, а другой и в тот час вспоминал про горшок, в котором варилась чечевица²⁷.

Важность молитвы Базилович удачно демонстрирует на примере следующего отрывка из аскетического сочинения: «Ведь с таким запалом сидели они дни и ночи над чтением Священного Писания, за молитвой и физическим трудом, что им не мешал вкус блюд или мысли о

во[з]дати хоташе, да со радостію сѣа творать, а невоздѣхающе, нѣсть во полезнѣ вамъ сіе /:Ко Еврее[м] гї:зі: / ѡкоже Свѣцы повиню[т] са Пастірю Своему градѣще понемѣ, како ведете ѡ, тако настоятелямъ своимъ послѣдовати должны Подвѣгїи Повелѣваемѣа исполняюще. [...] М. Lach, *Il contributo di Giorgio Giovanniccio Bazilovič OSBM alla formazione monastica dei Basiliani dell'eparchia di Mukačevo (1789–1821)*, s. 240, 242.

²⁶ Lk 10, 16.

²⁷ J. Bazilovič, *Imago vitae monasticae*, s. 82.

них. Лишь на другой или третий день голодающее тело вмешалось в их действия, и они наелись и напились не по прихоти, но по необходимости. И это не перед заходом солнца, поскольку день они посвящали усиленным духовным упражнениям, а ночь — заботе о теле»²⁸. Также он приводит в качестве примера случай с братьями, которые спросили св. отца Агафона: «Отче, какая добродетель в жизни требует наивысших усилий?» Тот им ответил: «Простите меня, ибо я сомневаюсь, что нет иных таких усилий, подобных молитве, обращенной к Богу, а вредоносные и злые духи всегда стараются эту молитву нарушить».

Восточные монахи стремились жить, претворяя ценность неустанной молитвы в самых разных сферах, они были уверены, что такая молитва естественна и необходима. Всегда в молитве пребывает тот, кто сочетает молитву с непрестанным трудом, а труд с молитвой. Это учение получило распространение, его мы находим в известном девизе бенедиктинцев: *Ora et labora*. В *Правилах* Базилович предписывает каждому из братьев ходить в церковь на совместную молитву, причем никто не должен уклоняться от этого и пропускать лишь в случае крайней необходимости. Те, кто исполняет какую-либо службу либо не может присутствовать по иным причинам, должны сами произносить совместные молитвы. Братья, собравшиеся в церкви, которые разговаривают с Богом, должны читать и петь молитвы с полной самоотдачей, не быстро, не высоким и не низким голосом, умеренно и ясно. Другой хор не должен петь или читать ранее, чем первый хор закончит свою строфу. Ни один из братьев, если это не является необходимым, не должен покидать церковь ранее завершения молитвы. После выхода из церкви каждый должен в молчании войти в свою келью.

Распорядок совместной молитвы был следующим: полуночная молитва, связанная с утреней и первым часом. В воскресенье или по праздникам, если не было vigилии, молитва начиналась в 2:30 утра; в остальные дни в 4:00 утра. Совместная служба, т. е. святая божественная литургия, начиналась в 09:00 утра с третьим и четвертым часом. Девятый час был связан с вечерней службой и вечерней молитвой; со дня Святого Воскресения Христова до 1 октября она начиналась в 16:00, с 1 октября до

²⁸ *Eo enim fervore scripturarum divinarum lectionibus, orationique, & operi manuum diebus, ac noctibus incubabant, ut nec escarum quidem appetitus vel memoria, nisi altero, tertiove die corporis interpelleret inediam, cibumque ac potum non tam desideratum, quam necessarium sumerent; & ne tum quidem ante solis occasum, ut tempus lucis cum spiritualium meditationum studiis, curam vero corporis cum nocte sociarent.* J. Bazilovič, *Imago vitae monasticae*, s. 6.

дня Святого Воскресения Христова (за исключением времени поста) в 15:00. Если во время поста совмещали вечерню с метаниями²⁹ и часами и если следовала литургия прежде освящения даров, она начиналась в 11:00. Богослужение на Рождество и Пасху начиналось в полночь. Во время остальных праздников оно начиналась в 01:00 ночи.

Монах должен был начинать любую работу вместе с Богом и с ним ее заканчивать; это означает, что прежде, чем приступить к какой-либо повседневной деятельности, он должен был утром найти время для духовной молитвы, поскольку не было гарантии, что он доживет до вечера. При этом и вечером все работы, сделанные за день, завершались молитвой на сон грядущий, где подводился итог хорошим и плохим событиям. Монахи благодарили Бога за все хорошее и приносили покаяние за все содеянное зло. В этой связи Базилович различает термины «богомыслие» и «моление». «Богомыслие» есть вознесение мысли к Богу. Это одно из наиболее важных определений молитвы, которое представляет личную молитву монаха в форме медитации³⁰. В свою очередь, «моление» Базилович понимает как совместную молитву монахов в храме.

ЧИСТОТА

Во второй части сочинения Базиловича *Imago* в рамках рассмотрения послушничества описываются три монашеских обета — послушание, бедность и чистота. Здесь Базилович излагает все условия, которые должен выполнить кандидат, дабы иметь возможность вступить в монас-

²⁹ Метания представляют собой большие поклоны, при которых встают на колени и касаются головой земли. Слово «метания» греческого происхождения, обычно оно переводится как «сожаление» (позднее осознание), однако его глубинным значением является «смена мышления». Тем самым поклоны выражают наше покаяние и покорность перед лицом Господа. Символика метаний очень близка символике креста. Метания тем самым являются отображением нашей духовной перемены. В восточных духовных учениях неотъемлемую часть такой внутренней перемены составляют два понятия: *kenosis* и *theosis*.

³⁰ [...] Всакоє дѣлаѡ, въ Бѣѣ начати, ѿ въ Бѣѣ кончати должєнь Монахѡ; то єсть: прѣ начинанїємъ дѣлаѡ ѿвѣчныхъ, ранѡ, дшевноє Бѣгомьслїє занѣкоє время да имать, ѿакѡ вечерѡ оуже достїгнѡти немѡщїи: Во вечерѡ же вса Мїмошѣшаго дне дѣанїа Пржеде Сна Бѣгоговѣннїмъ такожде Бѣгомьслїємъ заключїти, ра[з]суждающе что Бѣгоє? ѿ что Слѡє содѣлалъ єсть, ѿ Бѣгїхъ содѣланныхъ да благодарїть Бѣгу, ѿ Слѡхъ же да каетъ сѧ. M. Lach, *Il contributo di Giorgio Giovanniccio Bazilovič OSBM alla formazione monastica dei Basiliani dell'eparchia di Mukačevo (1789–1821)*, s. 248.

тырское сообщество, при этом он основывается на церковных канонах. Базилович констатирует, что попасть в монастырь нелегкая задача. Само решение он сравнивает с кратким военным сражением³¹. Более того, Святые Отцы запрещают монахам иметь общение даже с юношами, поскольку для монахов это может спровоцировать весьма опасный грех, который греки называют «педерастией»³². Многие монахи впали в этот грех, поэтому Базилович напоминает братьям, чтобы те не теряли бдительность, если им придется иметь общение с симпатичными молодыми людьми³³, и побуждает монахов избегать подобной дружбы и бесед, приравнивая такие отношения к дружбе с дьяволом.

Обет держать в чистоте души и тело Базилович считает наивысшим проявлением монашеской жизни, когда монах становится подобен ангелам. Необходимо, чтобы монах бережно заботился о своей чистоте, словно о лилии в терновнике, пребывая в постоянной аскезе, умеренности и ущемлении тела, избегая грехов обжорства, неумеренности в пище, похоти, излишнего употребления вина, в котором таится корень распутства, а также общения с женщинами, поскольку вино и женщины даже самых разумных могут вывести на дурную дорогу³⁴. Для того, чтобы сопротивляться необузданному противнику, который стремится разжечь плотские инстинкты, Базилович, отсылая к св. Григорию, предписывает различные лекарства: богобоязненность, бдения, молитвы,

³¹ *Monasterium ingredi non est leve negotium, Bellum militum breve, ait sanctus Ephraim sermone ad pietatem exercendam: sed Monachi pugna quousque migrat ad Dominum, durat.* J. Bazilovič, *Imago vitae monasticae*, s. 30.

³² Падерастія (из греч. παῖς „мальчик“ а εραστής «приятель, возлюбленный») в античные времена обозначала в целом любовь зрелого мужчины к мальчику.

³³ *Communiter sancti Patres liberio rem cum pueris conversationem prohibent ob vitium, quod Graeci Paederastiam nominant, etiam Monachis infestum. Multi eo ceciderunt, Horrendum dictu, quid frater quidam cum certo Adolescentulo fecerit sub oculis sancti Macarii referente Joanne Subdiacono. Non immerito igitur hortatur Monachus sanctus Ephraim, ut se custodiat, si contingat loqui cum formosis Adolescentulis. Sanctus Dorotheus jubet amicitiam, & colloquia Adolescentulorum fugere, ut amicitiam Diaboli.* J. Bazilovič, *Imago vitae monasticae*, s. 29-30.

³⁴ Чистота души, и тела въещанна, есть высочайший степенъ монашескаго житія, ѿмже оуподобле[т]са Ангеломъ монахъ, сию ѿкъже крикъ посреде терній въпаснѣхъ хранити должень. ѿ. Непрестанными подвигами, воздержаніемъ, оумерченіемъ, поравненіемъ тела, еже есть въгати въжирство, брашень различіа, сластолюбія, без[в]мѣрнаго винопитія, во не[м]же блудъ, жеискаго содржес[т]ва, вино во ѿ жены, и разумныхъ дѣлають вѣстники, въсудъ положити завѣтъ ѿчима своимъ еже не помышлати на дѣвцъ. [...] M. Lach, *Il contributo di Giorgio Giovanniccio Bazilovič OSBM alla formazione monastica dei Basiliani dell'eparchia di Mukačevo (1789–1821)*, s. 244.

слезы, сон на голой земле. Монахи должны избегать безделья и лени, от которой проистекает зло и рождаются дурные мысли, напротив, они должны заботиться о чистоте и отгонять недостойные мысли в страстных и непрестанных молитвах, а также в духовном чтении. Им следует держаться подальше от книг, разговоров и картин, которые лишь разжигают похоть. Надо постоянно думать о том, что никто не сможет узреть Господа, за исключением тех, у кого чистое сердце.

Пост

Настоящие аскеты питались лишь твердой едой, всего один раз в день. Базилович предъявлял к своим монахам большие требования и придавал посту большое значение. Он сам был в этом отношении настоящим образцом для подражания и примерным исполнителем. В *Imago* на примере Отцов Церкви он описывает питание монахов и различные виды постов. Монахи утоляли голод хлебом, а жажду водой. Были рекомендованы также бобовые, которые поддерживали в человеке силы для необходимой жизнедеятельности³⁵. Чаще всего, однако, монахи соблюдали «ксерофагию»³⁶. Данная разновидность поста разрешает твердую пищу, такую, как хлеб, овощи и фрукты, а из напитков — только воду. Св. Василий позволял себе питаться лишь кореньями, пищей для самых бедных. Мясо и вино монахи отвергали как непомерную страсть, которая для них недопустима. Тот факт, что Базилович данные мысли в своем сочинении постоянно повторяет и подчеркивает, является подтверждением того, что во времена, когда Базилович в качестве протоигумена курировал монастыри, монахи, согласно общим предписаниям, не ели мяса. Данную мысль прекрасно дополняет также интеграция в текст сочинения одной из гомилий св. Василия о посте, которая является приложением к пособию по аскезе. Базилович воздаст должное св. Василию и посвящает ему целую четверть труда. Он рисует его как основателя и вдохновителя киновитского способа жизни в Понте и Каппадокии, как страстного защитника интересов церкви.

³⁵ *Veri, inquit, Ascetæ alimento siccissimo utuntur, & comedunt semel per totam diem. In cibo panis explebit necessitatem, aqua sedabit sitim recte valenti: quibus accedent quaecunque ex leguminibus pulmenta corpori vires ad necessarios usus conservare possunt.* J. Bazilovič, *Imago vitae monasticae*, s. 91.

³⁶ Ξηροφαγία (из греч. ξηρός а φάγος «тот, кто ест сухую пищу») является самой строгой формой поста. Об этом см.: Adam Friedrich Kirsch: *Abundantissimum Cornu Copiae Linguae Latinae et Germanicae Selectum*, Leipzig, 1774, s. 3018.

Базилевич вновь подчеркивает ценность отречения, аскезы, которая для монахов и для всех христиан представляет одну из главнейших добродетелей. Пост также связан с другими традиционными формами христианской аскезы. Ввиду самого их характера практики телесной аскезы являются незаменимыми. Пост, добровольное воздержание от еды и питья, наряду с чистотой принадлежит к наиболее важным аспектам одной из самых типичных и обширных практик всего православного монашества под названием «энкратия», т. е. «самоконтроль» в смысле духовной силы, при помощи которой человек берет власть над движениями своей души и так становится господином над самим собой и над ситуацией, которой он противостоит. Монахи были обязаны питаться так, чтобы удовлетворять свои потребности самым простым способом. В качестве примера Базилевич приводит Макария Александрийского, у которого в различных местах пустыни было три кельи без окон. Одна была тесна настолько, что в ней нельзя было даже протянуть ноги, однако он все же сидел в этих темных помещениях. Так он обычно проводил сорокадневный пост, во время которого питался одними сырыми капустными листьями, и то лишь в воскресенье. Испокон веков монахи привыкли воздерживаться от мясной пищи.

В *Правилах* указано, что еда для монахов православного обряда в ту эпоху готовилась из молока, яиц, масла, рыбы, овощей и фруктов. Во время поста еду готовили на растительном масле, а иногда монахи питались только сырой пищей, не подвергавшейся термической обработке. Воздержание от мяса было давним обычаем, который со временем приобрел обязательный характер³⁷. Рефекторий (общая трапезная монахов) открывался дважды в день, за исключением периода поста. Приготовленных блюд было четыре на обед, три на ужин. Если вокруг не царил голод, пили также вино в ограниченном количестве. Обед был обычно в 11:00, ужин, совмещенный с духовным чтением, в 18:00. Обед, равно как и ужин, продолжался один час. Тот, кто не появлялся в трапезной к началу напутствия, оставался без пищи весь день. Никто из братьев не смел ничего выносить из трапезной, кухни или кладовой без

³⁷ [...] Брашна, ѿ Снѣдѣй, на нынѣшнихъ восточныхъ Монахо[в], сътъ варенѣа ѿ млека, ѿйць, Маса, рыбы, ѿ Зелѣй, ѿ Сѵвоцей, во Постѣ же варенѣа со ѣлеемъ, иногдаже ѿ Самое Схудоженѣе. [...] Во[з]держанѣе же ѿ Маса долгимъ ѿбычаемъ во[з]веде[н]но ѣсть, силѣ Закона ѿмъщѣе. [...] M. Lach, *Il contributo di Giorgio Giovanniccio Bazilovič OSBM alla formazione monastica dei Basiliani dell'eparchia di Mukačevo (1789–1821)*, s. 250.

должного на то основания. В воле настоятеля было дать нечто от стола бедным, которые нуждались в еде. Во время приема пищи в трапезной двери монастыря были заперты, ключ находился у игумена. Если за столом присутствовали гости и требовалось продлить час трапезы, только игумен либо кто-то иной из братьев, назначенный ответственным, оставались с гостями, в то время как остальные после молитвы обычно покидали трапезную. Если было установлено, что кто-то из братьев напился и стал причиной ссоры, следующие три дня он не смел ничего пить и принужден был сохранять молчание. За более серьезные проступки полагалось более строгое наказание. Если во время трапезы в присутствии гостей не читали, инициировалась оживленная беседа на тему евангелия. Монах должен был воздерживаться от дружбы с женщинами, согласно данным строкам: „Разве может человек носить огонь за пазухой и при этом не сжечь себе одежду?“³⁸ Невозможно, чтобы тот, кто водит дружбу с женщинами, сохранил свою душу незапятнанной, чистой и здоровой. Именно поэтому, если в монастыре присутствовали в качестве гостей и мужчины, и женщины, женщинам было запрещено входить в кельи. Даже сами кельи, где проживали такие гости, были отделены от остальных, и один из братьев был приставлен в услужение, при этом остальные братья с ним не должны были встречаться. Женщинам было строго запрещено спать в монастырях. По этой причине вблизи монастыря, за его стенами, было построено соответствующее помещение для их проживания.

Многие свидетельства Отцов церкви Базилович приводит для того, чтобы они придали сил монахам его эпохи, которые в своей жизни соблюдали данные предписания не без труда. После смерти Базиловича базилианцы попросили местного епископа, чтобы тот разрешил им есть мясо, которое до тех пор, естественно, было им запрещено по причинам аскезы. Это свидетельствует об упадке стремления поддерживать монашескую аскезу.

Труд

В своем произведении *Imago* Базилович пишет, что у монаха должно быть отдельное время для необходимых работ, питания и сна. «Никакой хлеб мы не должны есть просто так, но нам следует непрестанно трудиться днем и ночью до полного изнеможения и пусть никто из нас

³⁸ Prís 6, 27.

не смеет жаловаться»³⁹. Помимо того, что в обязанности монахов входило читать, писать, петь псалмы и совершенствоваться в учении, они должны были также работать физически.

В монашеском облачении Базилевич отдельно подчеркивает символическое ношение пояса и спрашивает: «У нас есть пояс. Но отчего мы его носим?» Он последовательно объясняет, что пояс являет собой первый знак того, что монахи готовы к работе⁴⁰. Если кто-то хочет работать, пускай прежде подпояшет себя и потом начнет работать: „Ваши бедра пусть будут препоясаны“⁴¹. Интересно, что Базилевич в *Правилах* не эксплицирует конкретную работу, которую выполняют монахи, он приводит примеры от противоположного и пишет о грехе лени в разделе, посвященном чистоте⁴².

Свой огромный интерес к проблематике монашества и обширный кругозор Иоанникий Юрай Базилевич подтвердил своим трудом, в котором он создал достоверный образ монашества во всех деталях, именно поэтому его сочинение применимо в практической жизни монаха. Написанное им на латинском языке пособие по аскезе и монашеский устав служат доказательством того, что в ту эпоху существовала практика монашеской жизни согласно православной традиции, которая функционировала строго в контексте ее традиционных ценностей.

³⁹ J. Bazilovič, *Imago vitae monasticae*, s. 76.

⁴⁰ *Habemus autem & Zonam. Sed cur illam gestamus? Zona, quam gerimus primum quidem signum est, nos ad opus esse paratos.* “ [...] „*Nam & ad laborandum, & manducandum, & dormiendum egemus tempore, neque gratis panem manducamus ab aliquo, id aut Apostolus, sed in labore, & in fatigatione nocte, & die operantes, nequem vestrum gravavemus.* J. Bazilovič, *Imago vitae monasticae*, s. 75-76.

⁴¹ Lk 12, 35.

⁴² [...] Бѣгаті празность, Лѣно[стѣ], ѿ неаже многá слá, ѿ Пагубнаа помішленія радують са. [...] M. Lach, *Il contributo di Giorgio Giovanniccio Bazilovič OSBM alla formazione monastica dei Basiliani dell'eparchia di Mukačevo (1789–1821)*, s. 244.

Ľubomíra Wilšínská (Bratislava)

**Monastic life at the interface of Latin and Byzantine Slavic
in the context of its traditional values: An example of literature
written by Joannicius Georgius Basilovits OSBM (1742–1821)**

The paper deals with the Basilian monastic tradition at the turn of the 18th and 19th centuries in the milieu of the historical Eparchy of Mukachevo. Latin was applied as another language, which was essential for the formation of theological literature inspired by Latin (Western) doctrine, beside educational and imaginative literature within the scholarly milieu of the Byzantine Church of the Eparchy of Mukachevo.

The application of Latin and Church Slavic languages in the milieu of the Byzantine-Slavic rite can be observed in various literary monuments, written by Joannicius Georgius Basilovits OSBM (1742–1821), Basilian monk and protoigumen (monastic superior). Within the Greek Catholic Church in Slovakia and today's Transcarpathian region of Ukraine at the turn of the 18th and 19th centuries, Basilovits is considered to be not only the first historian, apologist, and liturgist, but above all a highly spiritual person, who played an important role in an expansion of Basilian monks in the historical Eparchy of Mukachevo. Basilovits demonstrated an intense interest in different fields of literature, especially in ascetical literature written in Latin and Church Slavic. However, Basilovits was not only a theorist, but he also reformed the monastic rules. In the paper, we focus on specific aspects of the ideal monastic life according to Byzantine tradition in the context of its traditional values, discussing two primary works in the field of ascetical literature in Latin and Church Slavic. We will draw attention to the value of the community in the context of the monastic life, which Basilovits supports as a contrary to the anchoritic way of life. The essence of monastic life represents vocation and fidelity to monastic life associated with modesty that determines to renounce everything and everyone. Monastic obedience and chastity were the other important axiological aspects of life in the community of monks during the period of Basilovits, who emphasizes the obedience to superiors. A monk demonstrates the power of his vow through perfect obedience. The vow of chastity of soul and body is considered to be the highest level of monastic life, which is similar to angels. An integral part was represented by prayer along with constant fasting and work. The Eastern monks aimed to live and understand the value of incessant prayer in many aspects and they were certain that such a prayer was necessary and authentic. The one that

always prays, brings together prayer with the needful work and the work with prayer. Basilovits was very demanding towards his monks, emphasizing the importance of fasting. Author draws attention to the value of self-renunciation, asceticism, which is one of primal virtues for both monks and all Christians. Our paper indicates that the Eastern monasticism was always an integral part of the richness of the Byzantine tradition that actually existed in the context of its traditional values in the historical Eparchy of Mukachevo.

Key words: values, monastic life, Joannicius Georgius Basilovits, Byzantine-Slavic rite, Transcarpathian Ukraine, Slovakia.

Note on the author: Mgr. Lubomíra Wilšínská, PhD, Research Fellow of the Jan Stanislav Institute of Slavistics, Slovak Academy of Sciences. Email: lubomira.wilsinska@savba.sk.

(Перевод со словацкого Д. Ващенко)